

С. И. и Т. А. АСТРАКОВЫ—ГЕРЦЕНУ и ОГАРЕВУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

Публикуемые ниже пять писем московских друзей Герцена и Огарева, С. И. и Т. А. *Астраковых*, представляют собой лишь незначительную часть обширной многолетней переписки семьи Астраковых с Герценом и Огаревым.

Братья Астраковы, Николай и Сергей, были сыновьями вольноотпущенника, мелкого чиновника-копииста Московского уездного правления питейного сбора Ивана Васильевича Астракова. Герцен и Огарев познакомились со старшим из братьев — Николаем — в студенческие годы. Николай Иванович Астраков (1809—1842) с 1827 г. был студентом физико-математического отделения Московского университета и в 1831 г. окончил университет со званием кандидата. Он давал уроки математики Сатину и через него сблизился с членами кружка Герцена—Огарева. Научные интересы Н. Астракова выходили далеко за пределы того отделения, студентом которого он числился. В аттестате Н. Астракова отмечено, что помимо курса физико-математических наук он прослушал большинство курсов словесного и нравственно-политического отделений. Преподавая после окончания университета, вплоть до своей смерти, математику в учебных заведениях Москвы, Астраков продолжал и научные занятия. В 1836 г. он защитил магистерскую диссертацию. Ему принадлежит несколько переводов в журнале Павлова «Атеней», статьи в научных сборниках и небольшой труд «Об образцовой ферме», опубликованный в № 9 «Отечественных записок» за 1841 г. В 1837 г. он женился на своей двоюродной сестре Гатьяне Алексеевне.

С Н. Астраковым был особенно дружен Герцен. Как указывает в своих воспоминаниях Татьяна Алексеевна, Герцен из ссылки вел с Н. Астраковым оживленную переписку, обсуждая многие научные вопросы. К чете Астраковых — Николаю Ивановичу и Татьяне Алексеевне — Герцен на всю жизнь сохранил чувство глубокой симпатии и признательности, нашедшей свое отражение на страницах «Былого и дум».

Т. А. Астракова (1814—1892) была не только близким другом Герцена, Огарева и их семей (особенно горячая дружба связывала ее с женой Герцена, Натальей Александровной), но и неизменной участницей их московского кружка. Демократические убеждения Астраковой сочетались с прямолинейностью характера. Самому Герцену порою приходилось выслушивать от Татьяны Алексеевны справедливые упреки в барстве, которое проскальзывало иногда в его поступках. Разделяя убеждения Герцена, Татьяна Алексеевна порвала со всеми его бывшими друзьями, когда они постыдно капитулировали перед реакцией. Надо было иметь незаурядное гражданское мужество, чтобы в условиях последних лет царствования Николая I продолжать сношения с Герценом. На имя Астраковой поступала через М. К. Рейхель корреспонденция Герцена в Россию.

К 1850-м гг. относится начало литературной деятельности Астраковой. В 1857 г. в «Современнике» была опубликована ее автобиографическая повесть «Воспитанница», несколько небольших повестей напечатаны в «Москвитянине», в «Лит. прибавлениях к „Русским ведомостям“». Перу Астраковой принадлежат «Воспоминания о Тропинине» («Литературные прибавления к „Московским ведомостям“», 1857), под руководством которого она занималась живописью в начале тридцатых годов.

Герцен и Огарев внимательно следили за литературными выступлениями Астраковой. В письме к Герцену от 20 января 1858 г. (IX, 59—62) Татьяна Алексеевна благодарит его за критические замечания о ее повести, просит в дальнейшем читать то, что будет ею написано, и откровенно высказывать свое мнение.

Одно из публикуемых писем принадлежит младшему брату Н. И. Астракова — Сергею Ивановичу (1816—1867). После женитьбы брата С. И. Астраков поселился в его семье и прожил в ней до конца жизни. «Воспоминания» Т. А. Астраковой дают ценный материал для изучения его биографии. «Воспоминания» эти, представляющие значительный историко-общественный интерес, дошли до нас, к сожалению, только в виде отрывков, включенных в мемуары Т. П. Пассек «Из дальних лет». Отрывки из воспоминаний Астраковой содержат также многочисленные цитаты из писем Герцена и Огарева к С. И. Астракову.

С. Астраков получил домашнее образование в полном объеме гимназического курса, вероятно, под руководством своего старшего брата Николая. В 1835 г., сдав вступительные экзамены, он был зачислен на физико-математическое отделение Московского университета (АМГУ, Дела Правления, оп. 1 ст., д. № 142) и в 1840 г. закончил университет кандидатом (АМГУ, Дела Правления, оп. общая за 1840 г., д. № 217). С Герценом и Огаревым Астраков сблизился уже после того, как они возвратились из ссылки. Молодой человек, только что окончивший университет, привязался к друзьям своего старшего брата и вошел в герценовский кружок. Преподавая математику в Александровском институте и других учебных заведениях, давая, кроме того, частные уроки, Астраков в течение всей жизни не мог, однако, выбиться из тяжелой нужды. Преподавание было для него вынужденным занятием, единственным источником заработка. Его истинным призванием была механика: много-сторонне образованный человек, Астраков был охвачен страстью к изобретательству.

С. Астраков особенно близко сошелся с Огаревым в 1848—1855 гг., т. е. тогда, когда Огарев, поселившись сначала в своем пензенском имении, а затем на Тальской писчебумажной фабрике, занялся хозяйственной деятельностью. В ту пору Герцена в России уже не было; между старыми московскими друзьями обозначились глубокие идейные расхождения, и Астраков был для Огарева самым близким человеком на родине. Как можно судить по тем отрывкам из писем Огарева к Астракову, которые сохранились в «Воспоминаниях» Астраковой, а также по письмам Астракова к Огареву (они хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), Астракова связывала с Огаревым глубокая дружба, основанная на взаимной симпатии и общности научных интересов. В 1849 г., в письме из Крыма Огарев, вспоминая о проходах, которые устроили ему и Н. А. Тучковой-Огаревой С. И. и Т. А. Астраковы, писал: «В ту минуту я понял, Сергей, что между нами есть страшно много точек соприкосновения, симпатий, даже теоретических. Я думаю, что последними шутить нельзя, в самом-то деле, только они несколько просветляют личность, они делают для нас человека симпатичным или нет» («Полярная звезда» гр. Салиаса де Турнемир, 1881, № 2, стр. 22).

Письма Огарева к Астракову из Крыма содержат подробное изложение планов научной работы, многочисленные вопросы из области физики, химии, математики, ответа на которые Огарев ждал от Астракова.

Астраков был ближайшим советчиком Огарева во всей его хозяйственной деятельности, имевшей характер социального эксперимента. Мысль привлечь Астракова к этому делу подал Огареву Герцен. В ответ на письмо Огарева, где он сообщал свои хозяйственные планы, Герцен писал Огареву из-за границы 3 августа 1847 г.: «Огарев, что бы тебе завести переписку и даже выписать к себе на время Астракова? он — отличный агроном и, сверх того, агроном-прогрессист. Он мог бы много сделать пользы даже и заводу, ибо механик великий. Подумай об этом» (V, 49). Но принять непосредственное участие в замыслах Огарева Астракову не пришлось. Между ними шла долгая переписка о переезде Астракова на Тальскую фабрику в качестве управляющего, он даже отправился для переговоров по этому поводу к Огареву, но против этого плана, как указывает Астракова, возражала Н. А. Тучкова-Огарева — план так и остался невыполненным.

Тем не менее Астраков принимал самое деятельное участие в практической и теоретической разработке мероприятий для преодоления технических трудностей, вставших перед Огаревым. Однако размах его изобретательской мысли далеко выходил за пределы практических вопросов, вытекавших из потребностей хозяйственной деятельности Огарева. Известная нам переписка и другие материалы не позволяют с исчерпывающей полнотой судить о глубине и оригинальности изобретательской мысли Астракова. По письмам видно, что, начиная с сороковых годов, Астраков упорно трудился над усовершенствованием паровоза, над теоретической разработкой проекта воздушного снаряда и воздушного шара.

Деятельность Астракова была в высшей степени характерна для сороковых-пятидесятых годов XIX в. Задача, которую он поставил перед собой, — способствовать усовершенствованию путей и средств сообщения, была связана с задачами более общей, с борьбой за развитие производительных сил России, и в условиях крепостничества неизбежно перерастала в борьбу против политики реакционеров-крепостников и иностранных спекулянтов.

Но патриот-изобретатель не мог сломить организованного сопротивления бюрократических верхов. Многочисленные попытки Астракова проложить путь своим изобретениям оказались безуспешными. Так, например, вычисления, относящиеся к проекту воздушного снаряда и воздушного шара, он послал петербургским математикам, но дальнейшая судьба их неизвестна. С одним из своих проектов Астраков хотел попасть на прием к царю, когда распространился слух, что у царя будут приемные дни.

Переехав в Лондон, Огарев (так же как и Герцен) продолжал настойчиво интересоваться судьбой изобретения Астракова. — «Что твой проект? — спрашивал Огарев в письме от 6 октября 1856 г. — Отчего не подаешь прямо великому князю? Кратчайший путь...» («Полярная звезда» гр. Салиаса де Турнемир, 1881, № 3, стр. 63). Узнав, что Астраков был принят К. В. Чевкиным — главноуправляющим путей сообщения и публичных зданий и одновременно членом Комитета для рассмотрения предложений о сооружении железных дорог, Герцен в августе 1856 г. писал Астракову: «Теперь жду от тебя известий, что из этого вышло. Не медли, ты знаешь, как мне дорог твой успех» (VIII, 326). В том же письме Герцен просил Астракова прислать ему свою статью — с тем, чтобы представить ее в Королевское общество. Астраков послал в Лондон несколько статей. Сообщая Астракову о том, что статьи получены, а также о своих хлопотах в Лондоне по поводу проекта, Огарев высказывал сомнение — следует ли посылать статьи в английскую Академию и можно ли публиковать их в России в «Журнале путей сообщения». Он опасался, как бы проектами Астракова не воспользовался кто-нибудь помимо автора («Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 64—65).

Сохранившиеся отрывки из писем Герцена и Огарева к Астракову показывают, что друзья информировали его о выдающихся достижениях европейской научной и технической мысли (например, о паровом плуге) и — в качестве контраста техническому прогрессу — Герцен описывал потрясающую нищету лондонских трущоб.

В конце пятидесятых годов обрывается известная нам переписка Астраковых с Герценом и Огаревым. О судьбе проектов Астракова мы не располагаем никакими сведениями. «У Сергея» много останется дельных бумаг, — писала Татьяна Алексеевна, — разберут их и после, может, и оценят...». Н. А. Тучкова-Огарева в своих «Воспоминаниях», характеризуя С. Астракова, называет его жертвой судьбы-мачехи, помешавшей ему приложить к делу свои дарования. «...Этот духовно и физически сильный человек угас в чухотке» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания, Л., 1929, стр. 103). Можно сказать, что царская Россия действительно была «судьбой-мачехой» для Астракова. Разночинец, сын только что вырвавшегося из крепостной неволи крестьянина, Астраков, благодаря унорству и таланту, получил университетское образование, но отсутствие средств и непреодолимый бюрократизм правящих кругов не позволили ему практически осуществить свои многочисленные научные замыслы. Интерес, который проявляли Герцен и Огарев к работам Астракова, значение, которое они им придавали, уже сами по себе свидетельствуют

о содержательности этих работ. Настоящая публикация должна привлечь внимание исследователей истории отечественной науки и техники к С. Астракову, одному из талантливых русских людей, не получивших возможности практически реализовать свои изобретения для блага народа.

Астраков не принимавший непосредственного участия в общественно-политической борьбе, был, однако, человеком передовых демократических убеждений. До конца жизни он в идейном отношении остался близок Герцену и Огареву. Получив известие о смерти Астракова, Огарев 23 июля 1867 г. писал Герцену: «Вчера получил твоё письмо от 19-го и портрет Сергея, за который благодарю Натали из глубины сердца. Грановский для меня уже одно из тех воспоминаний, которые меня волнуют до мозга костей; а Сергей еще больше. С Гр(ановским) мы, может, разошлись бы, а с Сергеем никогда» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 446). Памяти С. Астракова Огарев посвятил известное стихотворение «Студент», проникнутое пафосом революционного служения народу.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 70 и 230).

1

С. И. АСТРАКОВ — ГЕРЦЕНУ

(Москва. Около 11/23 октября 1848 г.)¹

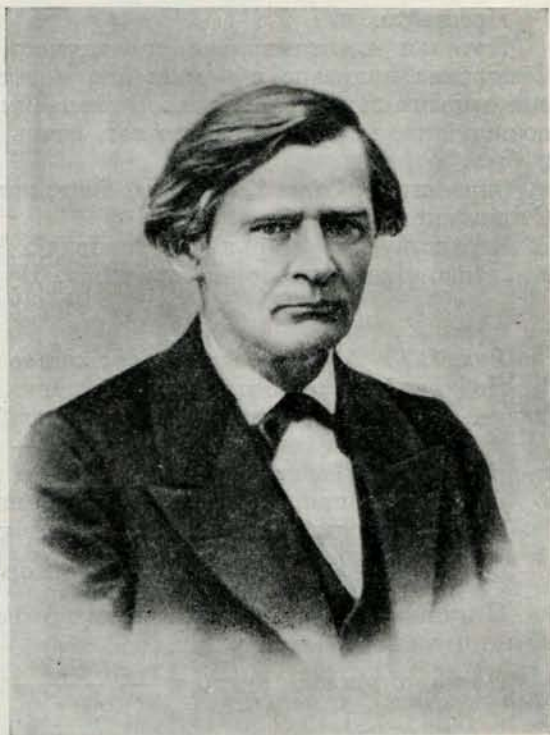
Здравствуй, Герцен, здравствуйте, Наталья Александровна. Много я слышал от Марьи Федоровны об вас и того и другого, и пятого и десятого, а все-таки не могу составить ясного понятия об вас, как вы там и что и пр., т. е. дело вовсе не то, что если бы вас видел сам. Ведь еще не прошло двух лет, как вы уехали из Москвы, а как вспомнишь все, так кажется — два века прошло; сколько было такого, о чем хотелось сказать тогда и уже теперь вовсе не хочется, — сколько есть теперь, о чем бы с удовольствием сказал бы и то и сё и, по всей вероятности, до тех пор пока увидимся уж непременно расхочется об этом говорить. Что за время такое теперь? Мне иногда кажется, что в пять дней теперь иное больше переживешь, чем прежде в пять лет. А потом рассмотришь эти пять дней, увидишь, что они очень обыкновенны и естественны и что идут себе своим порядком (беспорядочным). Я теперь, писавши это письмо, чувствую себя совершенно одинаково с тем проповедником, который, чтобы сказывать хорошо проповеди, съел библию, а потом пришел на кафедру и чувствует, что все-таки не может ни слова сказать и, наконец, подумав немало, сказал, указывая на живот: «Благочестивые слушатели, тут много, да вон не лезет». Так и я теперь: в голове много, да на бумагу нейдет, да и *не хочет*.

В самом деле, черт знает до какой степени всегда размечешься и не знаешь, что сказать. В настоящее время, т. е. 11/23 октября, я заинтересован мыслию такою: Сатин задумал издавать энциклопедию по всем отраслям человеческих знаний; мысль превосходная, но до какой степени мудро исполнимая. Сначала думал он выдавать ее тетрадами листа в два печатных и чтобы она имела характер такой, чтобы она служила руководством для всякого человека, который только грамоте знает, но теперь уже думает выдавать книжками, довольно толстыми, и уже намеревается писать статьи так, чтобы в каждой было как можно больше специальности и удобоприложимости. В этом предприятии думают деятельно участвовать Грановский, Корш, Фролов, Кетчер, Огарев, по части химии Ляковский², и всякое другого даяние да будет благо. Насчет цифры и механики я думаю мароковать. Что из этого будет, не знаю. С 49 года будет издаваться³. Теперь мне поручено составить план или вроде плана наук физико-математико-естественных и их приложения, чем я теперь и занят.

С. И. АСТРАКОВ

Фотография, 1860-е гг.

Исторический музей, Москва

Наконец, я теперь понял эту задачу о работе, о которой я имел глупость во время t с тобой, Герцен, спорить. Теперь я вывел из законов механики; действительно, если один работник срабатывает в единицу времени работу a , то n работников в ту же единицу времени сработают работу $na + \alpha$, где α есть прибыток, зависящий от того, что работают не один, а n человек, и про существование этого α я спорил, но теперь убедился. И, сверх того, еще почти нашел закон, что (если) будут работать mn работников, то они в ту же единицу времени сработают работу $mna + ma + \beta$ и что это возрастает в геометрической прогрессии, где знаменатель содержания есть логарифм числа работников, т. е. если один работник срабатывает a , то два работника сработают $2a + \lg 2a$, а три сработают $3a + \lg 2a + \lg 3a = a(3 + \lg 2 + \lg 3)$ и т. д., вообще n работников сработают $na + \lg 2a + \lg 3a + \lg 4a + \dots \lg na = a(n + \lg 2 + \lg 3 + \lg 4 + \dots \lg(n-1) + \lg n)$. Вот какая формула; она выведена мною из частного вопроса о перемещении данного груза на известное расстояние; насколько она верна и обща для всех работ, не знаю; но что это есть так, против этого никто не спорит. И какова же мерзость это — вся работа $a(\lg 2 + \lg 3 + \lg 4 + \dots \lg n)^4$ отдавалась и отдается не дай *(I нрзб)* фабриканту или заводчику. Черт знает, что это за вещь такая! Не могу утерпеть и не сказать про свое ребячество, я все еще как ребенок, попадется что-нибудь эдакое — согласие цифры с действительностию, ну я и пошел хандрить. Ну как, в самом деле, эдакая вещь, как логарифм в анализе отвлеченном и совершенно искусственная, вдруг является в действительности и рекомендует себя вот таким-то чиновником? Черт знает, а я всегда изумляюсь над этим; не умею помирить отвлеченности с действительностию.

Ну, вижу, ты думаешь, попал теперь на колею и прощай, хоть кидай письмо, не дочитавши; так сам остановился, не хочу надоедать да некогда: 9-й час, пора бежать к Редкину в класс ⁵.

Прощайте.

Наталя Александровна, пожалуйста, не верьте ничему, что Марья Федоровна написала обо мне; она мне сказывала, что, между прочим, она относительно меня и моего изменения сообщила—да и в Париж, так, пожалуйста, не верьте. Я все тот, очень обыкновенный и такой же, как и был.

Здравствуй, Саша ⁶, что ты, брат, помнишь ли сколько-нибудь меня? Откликнись как-нибудь.

Здравствуйте, Марья Каспаровна⁷. Что же вы не едете в Москву? Луизе Ивановне очень кланяюсь. Ну, всё! Прощайте.

Весь ваш С. А.

Рукой Т. А. Астраковой (адресовано Н. А. Герцену):

Не хочется оставлять белую бумагу. Сколько я тебе записочек прилагаю, сколько тебе и читанья и хлопот будет с ними.

Что-то все нездоровится, душка, — старость пришла, и то болит и другое, хоть бы скорее на покой — в могилу.

Прощай, однако! Писать-то вовсе нечего.

Крепко обнимаю тебя, крепко целую.

Твоя Т. А с т р а к о в а

Я думала, что тебе будет приятно получить от М. Ф.⁸ записочку, и потому вытребовала у нее.

Послано письмо октября $\frac{\text{ст. ст. 11}}{\text{нов. ст. 23}}$.

¹ В письме упоминается, что со времени отъезда Герцена за границу «не прошло двух лет». Это дает возможность уточнить дату письма: Герцен, как известно, выехал за границу 19 января 1847 г.

² Николай Эрastович Лясковский (1816—1871) — профессор фармакологии и химии, ученый аптекарь Московского университета.

³ Это издание осуществлено не было.

⁴ Выведенная С. И. Астраковым математическая формула работы имеет чисто механистический характер и лишена научного значения.

⁵ *Бежать к Редкину в класс*, т. е. в Александровский сиротский институт, в котором Астраков был преподавателем. — Петр Григорьевич Редкин (1808—1891) — юрист, профессор Московского университета, подавший в отставку в связи с известной «крыловской историей» (см. ниже примеч. 2 ко второму письму В. П. Боткина); в то время Редкин занимал должность инспектора классов института.

⁶ Саша — сын Герцена.

⁷ Марья Каспаровна — Рейхель.

⁸ М. Ф. — Марья Федоровна Корш.

2

Т. А. АСТРАКОВА — ГЕРЦЕНУ

(Москва.) 1852. Декабря $\frac{11}{23}$

Скверная вещь *нужда*. Мы себе болтаем и то и сё, надеясь на то и сё, стараемся не думать о незваной гостье, принимаем все меры уничтожить ее присутствие, а она себе все теснее и теснее подвигается к вам, все крепче и крепче сдавливает вас в своих могучих объятиях; вы бьетесь, задыхаетесь, снова встрепенетесь, и всё вдали как будто видите светлую точку — надежды, не подозревая, что это оптический обман; и как страшно тяжело, когда на вас рухнет целая гора: сначала это оглушит, потом приходишь в отчаяние, видя, что ничто не поможет, что все погибло, и, боже мой, как страшно погубить жизнь из-за копейки! Да, потому только, что нет средств вещественных, у вас гибнут все средства душевные.

Когда я писала прошлое письмо, мне и в голову не приходило, что я стою уже над бездной, и не подозревала, что мне придется писать это

письмо; да и как было подозревать — я все думала, что такое состояние дел протянется долго, а время (может быть) даст, наконец, средства отворить тяжесть; я терпела и терпеливо ждала лучших обстоятельств, но не так терпеливы люди, да они и правы — что же им за дело до моей жизни? У них есть своя жизнь, свои нужды. Говорят, мы слишком долго ждали, и они правы... Что же им за дело, что я сама жду давно, очень давно лучших обстоятельств, которые бы обеспечили меня хотя настолько, чтоб я не боялась завтра замерзнуть или умереть с голода? Просить помощи у Крезов не стоит — они говорят: «Много вас тут!», а жизнь пришла такова, что средств не достанешь без случая, а случая — без средств. Я помню, как ты, Александр, говорил, что к долгам можно привыкнуть, как к бородавке на носу, — да, но как эту бородавку кто-нибудь тихонько срежет бритвой да еще и с живым мясом — ведь это нестерпимо, того и гляди, что сделается антонов огонь, и тогда — смерть, самая мучительная и продолжительная; вот это-то теперь делается со мною, и я, чтобы залечить рану, обращаюсь к тебе с вот какой просьбой.

Если ты можешь, не стесняя себя, дать мне без процентов и на бессрочное время займа 1500 р. серебром — говорю *займы*, потому что я обдумала уплату и потому, что такие суммы нельзя отдавать так, на ветер, когда надо обдумать тебе будущность детей, а я обдумала это так: что если не поправятся наши обстоятельства настолько, чтобы уплатить эту сумму детям при жизни, то после меня я завещаю братьям, продавши дом, отдать все сполна, и настолько я уверена и знаю их, что они это сделают. Итак, вот на этих условиях и такую сумму, если я буду иметь, то это от многого спасет меня и даст возможность очнуться и что-нибудь придумать лучшее. Пожалуйста, не сердись за условия и за предисловие — я много наболтала, но я скажу и теперь, как прежде говорила, что *просить* тяжело, очень тяжело, и я еще буду просить тебя об том, что если тебе нельзя будет удовлетворить мою просьбу, то и не отвечай мне на это письмо, — пусть это останется между нами. А если тебе можно дать, то пришли оттуда через М(арью) К(аспаровну), а здесь ни от кого нельзя ни копейки получить, потому что *ни у кого* нет ни гроша ¹. Да, нонче и богатые люди страшно нуждаются — часто нет гривенника; каково же нам, когда все жалованье состоит из тридцати рублей серебром в месяц?!

Больше не могу писать — ужасно тяжело на душе, и голова кружится. Крепко жму твою руку, а Сашу целую.

Ответа буду ждать с нетерпением, но если без денег, то пиши только о детях и о себе, потому что об этом письме и брат ² не знает, а когда получишь деньги, тогда все скажу ему.

Т. А.

¹ В письме к М. К. Рейхель от 4 января 1853 г. Герцен писал: «Прилагаю ответ к Тат(ьяне) Ал(ексеевнe). Деньги, деньги... не знаю, как *suffira* (хватит), а впрочем, тут выбора нет. Попросите Рейхеля съездить опять-таки к Шомб(ургу) и велите послать, как посылали прежде, 1000 фр. на имя Тат(ьяны) Ал(ексеевны). Прилагаю цидулку для денег» (VII, 170). Упомянутое Герценом письмо к Астраковой неизвестно.

² Брат — С. И. Астраков

Да, это правда: деньги, семейное счастье и здоровье, каково бы оно ни было, — всем этим надо было пользоваться и довольствоваться... зачем было гнаться за лучшим?.. Боже мой! Боже мой! Сердце обливается кровью, как вспомнишь, что было и что есть... и на что все это и зачем?!!

Из некоторых слов сестры ¹ и теперь из твоего письма я начинаю понимать, что в ее жизни ² разыгралась страшная драма, драма, за которую она поплатилась жизнью. Так и должно было быть: она, чистая, высокая в понимании и в исполнении своих убеждений, не могла изгибаться по воле людской прихоти — она стояла прямо, смотрела гордо, терпела, терпела и, наконец, сломилась... Странная, неотступная мысль душит меня (мысль, быть может, слишком гордая, слишком самонадеянная, но, тем не менее, неотступная до того, что я решаюсь ее высказать тебе). Мне сдается, что я духовно была очень близко связана с ней, что ни с кем и никогда не была она так откровенна, как со мною; была ли то невольная симпатия или она чувствовала мое влечение безграничное к ней, только часто и много она говорила со мною о таких вещах, о которых, вероятно, если никому еще, так очень немногим говорила; вот эти-то размышления породили, должно быть, во мне мысль, что если бы я была там, возле нее — драмы бы не было. Много значит постороннее лицо, но преданное всей душой и готовое на все, чтобы предупредить зло! И я чувствую, что у меня хватило бы силы бороться за нее! — и боже мой! Как страшно вздумать, что все это могло бы быть, но... не было, а ее нет, и ничем не поправишь того, что уже совершилось. Фу! Как тяжело и душно!.. Так бы и расшиб голову, — а душа так и замирает, и голова трещит.

И что же! Везде люди, во всем они, — им мешает чужое счастье — они всё хотят разрушать, а не сооружать.

Сплошного зла стоит твердыня!

Царит бессмысленная ложь!

Поневоле скажешь старинным высокопарным слогом: «О люди! Пс-рождение крокодилов!»³. И после этого сто́ит сблизиться с людьми? разве для того, чтобы после проклинать и их, и себя, и всё на свете... Я теперь очень помню твою умнейшую фразу: «Чем ближе (с человеком), тем дальше, и наоборот». И это непреложная истина. Есть исключения, но они так ничтожно малы, что их нельзя брать в расчет. С тех пор, как я разошлась с известными господами (разумеется, без всякой разумной причины), я уже гляжу на новые встречи с известным *argiè-re-pensée* *, стараюсь быть любезна, мила и с затаенною желчью принимаю дружбу, которою так легко дарят, чтобы после с гордостью сказать (как и сказала про меня одна известная дама⁴): «Как ей в голову пришло, чтобы я могла бгь дружна с нею!», а прежде, разумеется, наедине (вероятно, из предубежденности), она же упрекала меня, что я не верю в ее дружбу и сама так холодна к ней — и когда я поверила, она расхохоталась... Но что всего обиднее, что так погрешают не одни женщины, а даже и мужчины: лучшие из них стыдятся признаться в теплом чувстве — все, вишь, это романтизм — смешной и нелепый! и, чтобы не быть смешными, они делают гадки и подлы. С нетронутой, незараженной и теплой душой остался, кажется, один твой брат Огарев — он не стыдится слезы, которая выбежит у него из глаза от горя или радости.

Да боже мой!.. а ее-то все нет и нет... и эта мысль еще более возбуждает желчь против всех — против этих гнусных друзей. Я помню, как она говорила мне, собираясь уезжать: «Таня! Я уезжаю с радостью: мне душно и тяжело здесь — я так всех люблю, а они не понимают меня! Не могу я сделаться тем, чем они хотят, да и на что? Год, два разлуки образумят их, и тогда они увидят, с какою полнотою я люблю всех, и как они несправедливы ко мне!». Бедная! бедная! Как обманулась она — они и теперь ее не поняли, да они и недостойны ни понять, ни оценить ее. Мир им! — чтобы не сказать чего-нибудь хуже. Одно скажу я: как ни

* задней мыслью (франц.)

скверно умереть самому, но переживать друг за другом близких душе — невыносимо сквернее...

А ведь не будь люди-то гадки, будь *ей* потеплее, поприветнее здесь, она бы, верно, не уехала, и, может, кто знает! не было бы того, что есть... Смотрю на *ее* портрет — так и смотрит на меня, как живая, улыбается так мило, и слышу, как говорит мне: «Глупенькая моя Таня! да о чем же ты плачешь — ведь мы увидимся скоро, скоро... ну, не плачь же!». — Эх! Зачем нет у людей в душе и сердце дверки, в которую бы можно было заглянуть, — тогда бы не было ни недоразумений, ни ошибок. Странное желание иногда душит меня — я бы вот сходила на ее могилу, выплакала бы на ней все свое горе об ней, и, кажется, легче бы было, типе бы стало горе при могильной тиши, и, быть может, добрее бы стала, а то вот желчь так и кипит, так злость и разбирает — посмел бы кто теперь мне сказать что про нее! Чувствую, что я наделала бы глупых грубостей... Впрочем...

Ну, да будет. Вчера отослала твое письмо по твоему желанию. Дай же руку, крепко, крепко, горячо жму ее. Не смею надеяться на свидание, но желать его не перестану до конца жизни.

Спасибо за готовность исполнить мою просьбу; разумеется, я верю, верю всему, что ты говоришь, и думаю, что я виновата, — не подумавши написала тебе; ты поправил сам мою ошибку — действуй, как знаешь и как лучше и удобнее⁵. Одним словом: можно — хорошо, нельзя — не надо. Теперь-то я и поняла невозможность исполнения вдруг. Не прими мои слова за щепетильность: обстоятельства и люди переменили меня — я уже проще начала смотреть на вещи. 1000 франков я еще не получила, и как и по какому документу я получу их? (В письме об)* этом ничего нет.

Далее адресовано сыну Герцена—Саше:

Целую тебя, Саша, расти, учись — авось когда-нибудь увидимся. С(ергей) тебя крепко целует; он озабочен — приехали наши из деревни, а тут пора еще и на службу надо. У нас страшные морозы настали — холодно и внутри и снаружи.

На обороте 4-го л.: Саше.

¹ В переписке с Герценом Астракова называет сестрой Н. А. Тучкову-Огареву, а Огарева — братом.

² В *ее* жизни, т. е. в жизни Натальи Александровны Герцен.

³ Цитата из трагедии Шиллера «Разбойники», действие I, сцена 2-я.

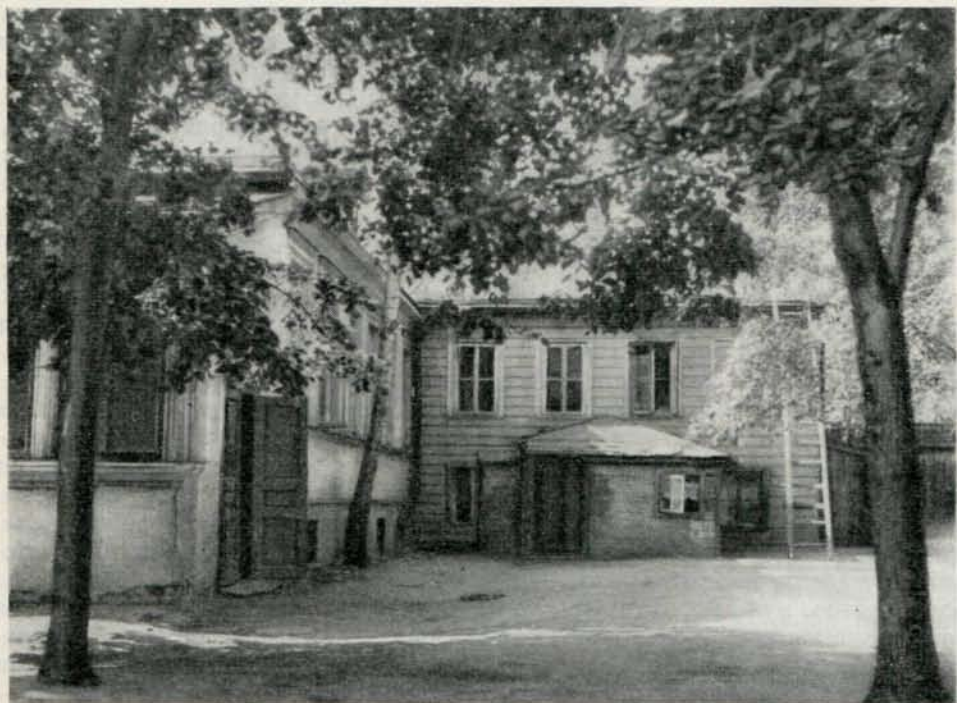
⁴ *Известная дама*—М. Л. Огарева.

⁵ Речь идет, очевидно, об ответном письме Герцена, посланном Астраковой через М. К. Рейхель 4 января 1853 г. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

Всякий раз, как прочту твое письмо, так из глубины души подымается желчь... Отраднo было подуматъ, что есть на земле счастье. Я верила в ваше счастье — и что же?... Фу! пропасть, как в самом деле люди-то гадки; страшно становится — ни одного живого лица: всё обман, везде эгоизм, самый гнусный, и угождают и любят — и всё, всё для себя только, ни одной капли искреннего чувства; глядя на все это, начинаешь бояться за себя; того и гляди, что и сам сделаешься таким же скотом — а не хотелось бы! Мир божий хорош весь, и люди хороши, и грустно за

* Край листа оборван, и слова, взятые в скобки, читаются предположительно. — *Ред.*

них, и жаль их, и хотелось бы обнять их, сказать им, что они заблудились, не туда пошли — пробудить в них чувства, поплакать с ними, примириться снова и на всю жизнь... и как бы все светло стало, весело... Не тут-то было; на первый же привет ответят отвратительным смехом, а если заметят или, лучше, почуют инстинктом, что в вас натура чище, выше их, так закидают камнем... Я ясно помню — как-то мы с ней² говорили о разных близких лицах, более женских, горевали о них, и она шутя сказала мне: «Смешно, Таня, сказать, а как-то чувствуется,

ДОМ НА ПЛЮЩИХЕ (ТЕПЕРЬ № 52) В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ АСТРАКОВЫМ.
ВИД СО ДВОРА

Фотография 1930-х гг.

Литературный музей, Москва

что, право, ведь мы с тобою лучше их всех умеем и чувствовать и понимать». — И она сказала правду (по крайней мере, относительно себя), а ее-то и не умели понимать самые близкие или, лучше, которых она считала близкими. Не могу пересилить в себе ненависти к одному из здешних лиц, которое она любила и уважала и была убеждена в взаимном уважении; и это лицо мне, лично мне, отнеслось об ней, чистой и прекрасной, так, что, право, стоило ему плюнуть в лицо...³ Бывают же мерзавцы на свете, обернутые в благородную обертку. Мне так всё и все надоело, что, кажется, бежал бы, куда глаза глядят. Если бы мы свиделись с тобою, вот бы хорошо было всем... да, наговорились бы тогда...

Всеми силами буду стараться переслать портрет, и всего вероятнее через банкира, да и вернее. А письма — разве с сестрой, но с другим ни с кем нельзя, да и ненадежно: пожалуй, бросят — все подлецы, трусы и мерзавцы, всё люди великого полета — берегут (где не нужно) свою личность. Много взяли твое письмо? — помнишь? Вот всё такие. Понимаю, до какой степени тебе хочется иметь ее портрет, но будь же терпелив

и снисходителен — пожалей меня, у меня он единственный, и я его срисую сама — не в работе дело, был бы похож. Отдать срисовать — да кому и как, и не знаю, и похож ли будет, а я сама-то лучше сделаю сходство. Так потерпи же, пока я срисую его; я бы тотчас же принялась рисовать, как получила твое письмо, но должна была проманкировать неделю: я очень хворала; думала вовсе слягу — это меня ввело в хандру: при наших средствах хворать серьезно нельзя, но теперь, спасибо, я опять на ногах, хотя здоровья нет порядочного, непрерывные тревоги не дают окрепнуть духом, ну и тело слабеет — да туда и дорога: лучшего время, видно, не дожدهшься, ни уснуть, ни съесть спокойно не удастся — зачем же и жить? а для духовного мира не стоит — все отравлено во всех отношениях; одного жаль — брата, тяжело мне за него; кажется, бы душу свою продал, чтобы купить ему жизнь, да нет, ничего не удастся. Вот его мысль, о которой он мечтал (о воздушном снаряде), осуществилась Эриксоном, а он остался при мечте. Так его и паровоз останется, и пустит его когда-нибудь другой, а он все будет в тени, ни сыт, ни голоден, ни жив, ни мертв, и как извозничья лошадь бегать по урокам, чтобы добыть себе скверный, черствый кусок хлеба — так всегда бывает с этими людьми. Вот и в Николае — сколько было предприимчивости, чего, чего он ни придумывал, да так и лег в могилу, ничего не сделавши, так и С(ергей)... У С(ергея) много останется дельных бумаг, разберут их и после, может, и оценят, и воспользуются, и скажут — вот был гениальный человек! Что же из этого? Стоит жить, мучиться, страдать для того, чтобы после сказали: «Жаль, что его не поняли при жизни!». Прекрасная награда, нечего сказать. На моих глазах тает Сергей, тают и его способности — иногда вспыхнет искра творчества, а средства и пришибут ее — ну и опять хандра, хворость... так и погаснет. А жаль его — натура-то славная, вовсе не рядовая. Видно мне придется пережить все, что я уважала и любила в свою жизнь, и останусь я будто столб верстой. А тяжело пережить всех — что же будет тогда со мною? Старость, одиночество, нужда... Впрочем, последнее лучше всего поможет сделаться совершенным животным, и тогда все забудется. Какие прекрасные надежды впереди — самая блестящая будущность. А всё люди, всегда и во всем они виноваты. Впрочем, что толковать: и сам не прав во многом — так уж, видно, писано.

Вчера я писала это письмо, а сегодня мне пришло в голову утром накинуть слегка абрис ее портрета — он удался, по крайней мере нам кажется, что он похож. Я и придумала: пока я соберусь выслать оригинальный портрет, дай пошлю этот, — разумеется, он нехорошо нарисован, но если ты его найдешь похожим, уж этого довольно; он многое напомнит тебе — и Соколово, и тогдашнюю жизнь, и мало ли что, и ты, верно, будешь доволен моей выдумкой, и я буду довольна⁴.

Сестру с братом ждали сюда по делам, но они остались до весны за дорогами — я переслала к ним письмо и ответ от Марьи Каспаровны. Ну, что же еще сказать? Скучно, грустно и тяжело. Крепко всех люблю вас, крепко обнимаю. Взглянешь на картинку, прочтешь на ней: «Когда-то мы с вами увидимся?» — и грустно станет, и слеза выступит, и с горечью проглотишь эту слезу. А ведь, получивши эту картинку, еще была надежда на свидание даже с нею. Впрочем, когда я получила ее последнее письмо, в котором она звала меня, я почти была уверена, что я буду у нее и мы проживем вместе... Ах, как скверно, скверно на душе до мочи нет! Дай руку! Да, когда-то мы увидимся! Страшно не хочется вымолвить роковое слово — *никогда*, но, кажется, оно верно.

Посылаю письмо *не франкированное*, чтобы лучше дошло. Самое дружеское объятие и рукожатие от Сергея *(далее рукой С. И. Астракова:)*, который сам рукоприкладствует. Хотелось бы много кой-чего переболтать, да язык не шевелится. Хотел было приехать О(гарев) в Москву, да что-то задержало опять до просуши. Так досадно. А как скучно — прелесть и для большего удовольствия еще в Москве холера.

¹ Дата определяется упоминанием о холере в Москве. Холерная эпидемия вспыхнула в конце марта 1853 г. 3 мая 1853 г. Герцен писал М. К. Рейхель, имея очевидно в виду именно это письмо Астраковой: «В Москве сильная холера. Письмо от Тат. Ал. совершенно без новостей» (VII, 216). Таким образом, письмо могло быть написано не ранее конца марта и не позже конца апреля 1853 г.

² С ней, т. е. с Натальей Александровной Герцен.

³ Вероятно, речь идет о Н. Х. Кетчере.

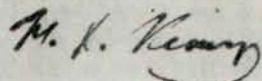
⁴ В письме к М. К. Рейхель от 11 февраля 1853 г. Герцен писал: «Да вот что я вас попрошу: когда будете писать к Тат. Ал., напишите, чтоб она непременно отравила на ваше имя портрет N(atalie) Горбунова, в раме. Скажите, что я усиленно прошу об этом» (VII, 183). Судьба этого портрета неизвестна.

5

С. И. АСТРАКОВ — ОГАРЕВУ

(Москва.) Март, 31-е (1857 г.)⁷

Давно я не писал к тебе, Огарев, да и ты тоже предавно не писал ко мне, — что ты и все вы и как? ничего не знаю. Я думал, что вот весна

(Из № 147 и 148 Московских Ведомостей 1845 г.)

ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ Г-НА ПРОФЕССОРА РУЛЬЕ.

Извешие природы — величайшая неблагодарность.

Пангия ст.

Одна из главных потребностей нашего времени — обобщение истинных, действительных сведений об окружающем. Их много в науках — их мало в обществе. Подобно втолкнуть их в поток общественного сознания, подобно их сделать доступными, подобно дать им форму живую как жива природа, подобно дать им язык, открытый, простой, как с собственным языком, которым она развешивается безграничное богатство своей сущности в величественной и стройной простоте. Нам кажется почти невозможным без естественности воспитать действительное, мощное умственное развитие, никакая отрасль знаний не приучает так уже к твердому положительному шагу, к смирению перед истиной, к добросовестному труду и, что еще важнее, к добросовестному приятию последствий. Какими, какими они являются — как научение природы, иными же и начинали воспитание для того, чтобы очистить отроцеской ум от предвзвешенности, дать ему возмущать из этой здоровой пищи и потому

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ Г-НА ПРОФЕССОРА РУЛЬЕ». ЭКЗЕМПЛЯР С НАДПИСЬЮ: «Н. Х. КЕТЧЕРУ»

Оттиск из «Московских ведомостей», №№ 147 и 148 от 8 и 11 декабря 1845 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

придет и мы увидимся, но Сат(ин) говорит, что и думать нельзя об этом,—это неловко; при прощанье ты думал и располагал иначе, а выходит еще иначе². Не знаю, как ты, а по-моему, не мешало бы заглянуть на Девичье поле не только тебе, но всем вам, по той простой причине, что и у нас барометр подымается и, может, погода разгуляется и будет тепло и, следовательно, и для здоровья хорошо—право. Мне кажется, что человек есть животное такое, которое способно переходить из одной широты в другую и акклиматизироваться там или сям и способно ассимилировать себя по условию и условия ассимилировать для себя,—но по натуре же человек есть животное, которое очень любит побывать там и сям и снова возвратиться на место рождения,—это, кажется, так, по-моему, — а впрочем, может, я и вру, т. е. гляжу на это с известной только точки зрения и под влиянием собственного чувства. А во всяком случае, не мешает вам всем взглянуть на Девичье поле — и теперь это, кажется, сделать очень легко, — стоит только захотеть.

Что тебе скажу о себе? Должно быть ничего. Я все это время был занят устройством снаряда и состряпал его. Теперь остается только попробовать, что и думаю я на днях сделать, если позволит погода, или уже после Святой. Я надеюсь получить результаты удовлетворительные, но что именно выйдет — напишу, когда сам узнаю. О предложении моем, которое я представил Чевкину³, не могу ничего сказать, потому что вот уже почти семь месяцев и ни слуху и ни духу, — вероятно, и здесь произойдет то же, что и у Гофмана, т. е. ровно ничего, и я все буду находиться в ожидании, — не правда ли, как это приятно; по крайней мере, можно будет сказать:

Она чего-то все ждала

И, не дождавшись, умерла⁴.

Разумеется эта *она* есть я, и такую вольность в стихах можно допустить, тем более, что татары и в прозе допускают ее, и называют тебя «она Н(иколай) П(латонович)».

Впрочем, все это очень хорошо, но вообще-то довольно скверно, по той простой причине, что хорошего ничего нет.

Живу я теперь так себе, как всегда, — теорию снаряда не оканчиваю, потому что ожидаю результатов опыта, и поэтому не оканчиваю статьи и, следовательно, поэтому до сих пор не высылаю к тебе. Думаю, что теперь будет скоро конец.

Что же тебе еще скажу? — довольно пусто все; внешняя и внутренняя жизнь — так себе, бесцветна: временем очень скверно, а временем не очень, но все-таки скверно. По временам мутит 1-е июля, но еще до него три месяца. Ничего не пишется, потому что одичал и давно не слышал от тебя ни слова. Прощай, будь здоров.

Что же вы замолкли, Наталья Алексеевна? Хоть бы вы иногда понукнули Огарева — чай есть десять минут свободных вспомнить про Плющуху.

¹ Датируется по сопоставлению с письмом Герцена к С. И. Астракову, написанным в августе 1856 г. (VIII, 326).

² Так неопределенно Астраков отвечал на приглашение Огарева, поддержанное Герценом, приехать к ним на «родину машин», «взглянуть, как где работают» (VIII, 327).

³ О Чевкине см. во вступительной статье к настоящей публикации.

⁴ Неточная цитата из стихотворения И. И. Козлова «Безумная».